

Содержание

В. Татаринов
Грозный вулкан вдохновения
9

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ
перевод Д. Минаева

Ад
41

Чистилище
273

Рай
499

Примечания
705

ГРОЗНЫЙ ВУЛКАН ВДОХНОВЕНИЯ

Мы шли. Была сначала глубока
Та мгла, что обступала плотным кругом...
Но вот уже расщелина близка.

Протиснулись в нее мы друг за другом.
И я просвет увидел в глубине...
И вдруг, качнувшись в воздухе упругом,

Из мрака звезды просияли мне.

Данте Алигьери. “Божественная комедия”

Данте Алигьери — один из известнейших авторов в мировой литературе. К нему неприменимы сдержанные оценки и осторожные характеристики; он — титан, гений, создатель творений, которые вызывали восхищение, доходившее до поклонения уже среди современников, а в особенности — у последующих поколений. Может быть, нагляднее всего уникальность его личности и таланта сказалась в том, что он, заплатив сполна трагедией собственной жизни дань жестокой и страстной эпохе, сумел создать произведения, которые сформировали итальянский язык в его современном виде, на долгие годы определили пути развития итальянской литературы, а европейскую культуру обогатили немалой толикой бесценных сокровищ, которыми она по праву гордится спустя многие сотни лет.

Данте Алигьери родился в мае 1265 года в древнем городе Флоренция, расположенном в Центральной Италии. Точная дата

его рождения неизвестна; в те времена еще не была восстановлена античная традиция вести подробные записи событий гражданской жизни. Зато известен день, когда Данте был крещен, — 26 марта 1266 года. Столь длительный промежуток времени от рождения до крещения объясняется просто: во Флоренции было принято крестить детей раз в год, в Страстную субботу. Эта пышная и торжественная церемония проходила в одном из центров городской жизни, баптистерии (крещальне) Сан Джованни, впоследствии украшенном всемирно знаменитыми тремя дверями с бронзовыми рельефами, великолепно исполненными Андреа Пизано (1336) и Лоренцо Гиберти (1424 и 1452).

Семья Данте принадлежала к дворянскому роду, хотя особой знатностью и богатством она гордиться не могла. Первый из достоверно известных предков поэта, Каччагвида, родился в 1106 году. Он участвовал в 1147 году в неудачном крестовом походе германского короля Конрада III Штауфена (1093–1152), был в Святой Земле возведен в рыцарское достоинство в награду за храбрость, но, так и не увидев Иерусалима, погиб в сражении с мусульманами.

Жена Каччагвиды происходила из семьи Алигьери (Алагьери), то есть “окрыленных”, и была родом “из долины По”, — очевидно, из города Феррара. Ее фамилия и перешла впоследствии потомкам. Один из ее сыновей, названный Алигьери, был прадедом Данте, а его внук, тоже Алигьери, — отцом поэта.

При рождении мальчик получил имя Дуранте (“претерпевающий”) в честь деда; Данте — это его уменьшительный вариант.

История семьи Данте неотделима от полной бурных и кровавых противоречий политической жизни тогдашней Италии. Ее своеобразие определялось противостоянием двух мощных партий, гвельфов и гибеллинов. Эти названия восходят к боевым кличам, с которыми шли в битву при Вейнсберге в 1140 году армии двух соперничавших между собой немецких княжеских родов, Вельфов и Штауфенов. Странники рода Вельфов выступали под девизом “За Вельфов!”; в латинизированном варианте “Вельфы” звучало как “Гвельфы”. А их противники шли в бой с кликом “За Вайблинген!” — такое название носил швабский замок семьи Штауфенов; в искаженном латинизированном варианте “Вайблинген” превратился в “Гибеллин”.

Борьба между Вельфами и Штауфенами уходила корнями в давнее соперничество из-за власти, в первую очередь в Италии,

между Римскими Папами и императорами Священной Римской империи. Основавшие империю в X веке германские короли были полными хозяевами положения; императорская корона для них имела скорее моральное значение: в глазах обитателей средневековой Европы Римская империя была воплощением единства и порядка в современном цивилизованном мире. “Пока Колизей будет цел, Рим будет жить; когда падет Колизей — падет и Рим, а когда падет Рим, падет и весь мир” — таково было распространенное в Европе представление о величии древней империи.

Кроме того, в сознании средневекового человека, которому древность завещала идею всемирной монархии, сложилось глубокое убеждение в незыблемости связи Римской империи и Католической Церкви. Положение императора и его функции определялись из сравнения власти императорской с властью папской. Император — наместник Бога на земле в делах светских и защитник Церкви; его власть во всем соответствует власти Папы, отношения между ними аналогичны отношению души и тела. Коронационный церемониал и официальные титулы императора указывают на стремление придать императорской власти божественный характер. Император считался представителем всех христиан. Он — “глава христианского мира”, “светский глава верных”, “покровитель Палестины и католической веры”, превосходящий достоинством всех королей.

Однако германский король-император, хотя и мог номинально назначать Папу по своему усмотрению, не обладал по-настоящему прочной властью в Италии и Риме. В состав могучей империи в X–XI веках входили немецкие земли, большая часть Италии, Бургундия, Богемия, Моравия, Польша, Дания и отчасти Венгрия. Поддержание порядка на столь обширной территории требовало постоянного внимания со стороны властителя; к тому же недальновидная политика некоторых императоров привела к росту сопротивления их власти со стороны отдельных феодальных государств. Для оппозиции было естественным шагом искать союза с Папами.

В свою очередь, Папы, стремясь опереться на силу, которая могла бы противостоять германским королям, обратились за помощью к Франции. Это привело к тому, что Италия надолго превратилась в арену борьбы между двумя могущественными соседями, тем самым значительно ослабив собственные шансы на

объединение страны и самостоятельное разрешение внутренних противоречий.

Внутри Италии противостояние сторонников Папы и императора усугублялось раздробленностью страны, исторически обусловленной отсутствием сильной центральной власти.

В развернувшейся борьбе Папы традиционно выступали за ослабление феодальной зависимости городов от императорского деспотизма, заботясь в то же время об укреплении своей, духовной, власти. Императоры, стремясь подавлять политическую свободу в городских общинах, поощряли свободомыслие и даже еретические настроения, поскольку это служило благодатной почвой для роста оппозиции власти Церкви.

Таким образом, сторонники императоров, гибеллины, чаще принадлежали к родовитой аристократии и были людьми свободомыслящими, но деспотичными в политических вопросах. Гвельфы, поддерживавшие папский престол, были выходцами из народа и относились значительно строже к религиозным вопросам, однако придерживались демократических взглядов в области политики. Учитывая, что и дворянство, и пополаны (*итал.* *popolani*, от *popolo* — народ), то есть выходцы из торгово-ремесленных слоев, не были однородны в своей массе и их политический выбор часто зависел от множества обстоятельств — материального благополучия, расстановки сил в конкретном городе, близости к той или иной общественной группировке, вражды или дружбы с влиятельными представителями власти, — становится понятной крайняя запутанность и непредсказуемость развития политической ситуации в Италии XIII–XIV веков.

В разделении на партии гвельфов и гибеллинов решающую роль сыграл родной город Данте, Флоренция. В глазах современников всему виной была ссора между двумя аристократическими семействами города — Буондельмонти и Уберти, произошедшая в 1216 году. Причиной ее послужило нарушение брачного обещания молодым дворянином из семьи Буондельмонти: он поддался на уговоры Гвальдрады Донати и, очарованный красотой ее дочери, отказался от помолвки с девушкой из семьи Одериги. Семья Донати заплатила положенную пеню, но Одериги решили в отместку изувечить жениха-изменника. В дело вмешалась могущественная семья Уберти, родственники Одериги, и в результате Буондельмонти был убит в день свадьбы. Дерзкое убийство повлекло за со-

бой кровавую цепь ответных посягательств и, как следствие, — разделение горожан на враждующие партии.

Истинные причины вражды лежали, безусловно, гораздо глубже и выглядели не так романтично. Во-первых, дворянская аристократия по старой феодальной традиции была связана с императором вассальными отношениями, а их естественные оппоненты, пополаны, в силу неизбежного хода вещей не могли не выбрать противоположную сторону. Однако переходы из гвельфов в гибеллины и обратно были не таким уж редким явлением и объяснялись прозаическими финансовыми соображениями. И Папа, и император нуждались в крупных займах для ведения бесконечных войн и содержания армии; многие богатые семьи в итальянских городах привыкли извлекать из этого немалую прибыль.

Вопрос был в том, кто из вечных оппонентов заслуживал большего доверия, или, в переводе на современный коммерческий язык, кто из них обладал большей кредитоспособностью. Император мог обеспечить надежное возвращение займов только если он был сильной фигурой, сохраняющей шансы на победу над своими многочисленными врагами. Папа же получал постоянный доход в виде различных отчислений по всей Европе, что не могло не привлекать осторожных и расчетливых флорентийских банкиров.

Соперничество между гвельфами и гибеллинами не ограничивалось кредитно-финансовой сферой и зачастую принимало формы куда более привычных для той эпохи кровной мести, резни или преследований по политическим мотивам, которые, как правило, заканчивались казнью или изгнанием оппонентов, при непременно присвоении победителями их имущества и сносе их городских домов и замков. Во Флоренции это противостояние достигало такой степени ожесточения, что гибеллины, которые при императоре Фридрихе II Штауфене (1194–1250) чувствовали себя очень уверенно, дважды изгоняли гвельфов из города — в 1248 и в 1260 годах.

Предки Данте принадлежали к партии гвельфов, поэтому его дед и отец также были вынуждены нести все тяготы изгнания, общие для всей партии. Однако после повторного возвращения гвельфов флорентийские гибеллины потерпели окончательное поражение, от которого им уже не суждено было оправиться. Их имущество было конфисковано и продано с аукциона, а дома сры-

ты до основания. На месте, где находился замок семьи Уберти, была устроена центральная городская площадь.

О родителях Данте неизвестно почти ничего; сам поэт нигде в своих произведениях о них не упоминает. Он рано потерял мать, отец мальчика умер, когда Данте был совсем еще ребенком. Так же мало известно и о том, где и как он учился; бесспорным фактом остается лишь то, что в своих сочинениях он предстает перед нами обладателем самых разносторонних и глубоких познаний, человеком, который был в курсе всех научных достижений и открытий своего времени.

В “Божественной комедии” Данте тепло отозвался об одном из своих наставников, общение с которым оставило глубокий след в его юной душе. Это был Брунетто Латини (1220–1294), нотариус, гвельф, занимавший должность государственного секретаря республики и другие видные посты, человек, которого неизменно высоко ценили за талант и ученость. Он руководил также образованием Гвидо Кавальканти, лучшего друга Данте и известного поэта той эпохи.

Очевидно, именно с общения с Брунетто Латини началось энциклопедическое и классическое образование Данте. Он познакомился с мифами об Эдипе и Фивах, циклами сказаний о Трое и Энее, “Метаморфозами” Овидия, средневековыми историями о Карле Великом, о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Но греческий язык, не входивший тогда в круг преподавания, Данте, как и многие его современники, знал плохо и часто путался в цитатах.

Друзья молодости Данте — это живописцы, музыканты, поэты и вообще люди искусства. Например, Каселла, известный певец того времени, был, по-видимому, очень дружен с Данте: даже в “Чистилище” Каселла, встретившись с поэтом, заверяет его в своей дружбе и преданности, а Данте вспоминает о его пении, которое “утоляло в нем всякие горести”. Данте был также дружен с художником Чимабуэ, с известным в то время миниатюристом Одеризи и с Джотто, реформатором итальянской живописи. Сохранился прекрасный портрет молодого Данте работы Джотто на стене часовни Дель Подеста во Флоренции, написанный, вероятно, между 1290 и 1295 годами.

Среди близких друзей Данте были в разное время поэты Лапо Джанни, Чино да Пистойя и в особенности Гвидо Кавальканти. С Чино да Пистойя, известным юристом, одним из лучших лириков

того времени и впоследствии учителем Петрарки, Данте, вероятно, сблизился позже, во время своего изгнания. Основатель новой флорентийской поэтической школы, непосредственный предшественник и лучший друг творца “Божественной комедии”, Гвидо Кавальканти был уже известным поэтом в то время, когда Данте делал только первые шаги в литературе. В личности Гвидо Кавальканти рыцарские качества флорентийского воина-дворянина сочетались с любовью к науке; его считали глубоким мыслителем. Он открыл путь к усовершенствованию поэтического языка и обогатил лирику новыми сюжетами и мотивами.

Однако для самого Данте определяющую роль в его дальнейшей судьбе поэта и мыслителя сыграло не полученное образование и не круг общения, а возвышенное и страстное чувство к Беатриче, впервые робко постучавшееся в его душу в еще юном возрасте и с тех пор неизменно озарявшее высоким светом гармонии, добра и истины его нелегкий жизненный путь.

Важнейшее событие всей жизни Данте произошло, когда ему было девять лет. Отец взял его с собой на весеннее празднество в дом богатого флорентийца Фолько Портинари. Там мальчик увидел дочь хозяина, Беатриче, девочку лет восьми. Юный ангел предстал перед ним в одеждах пурпурного оттенка, с поясом и украшениями; для Данте эта девочка впоследствии стала владычицей духа. “Она показалась мне, — писал поэт, — скорее дочерью Бога, нежели простого смертного... С той самой минуты, как я ее увидел, любовь овладела моим сердцем до такой степени, что я не имел силы противиться ей и, дрожа от волнения, услышал тайный голос: “Вот божество, которое сильнее тебя и будет владеть тобою”.

Дома Алигьери и Портинари были расположены почти рядом, поэтому будущий великий поэт и его несравненная Муза могли часто встречаться и играть, как и подобает детям в их возрасте, но не этим встречам было суждено пробудить могучий поэтический дар Данте.

Прошло почти девять лет, когда восемнадцатилетнему Данте предстало новое явление Беатриче. Они находились в самой цветущей поре юности; а он был уже достаточно образован, чтобы обуздать вихрь своих впечатлений и облечь его в рифмы и образы. На сей раз Беатриче была вся в белом. Она шла по улице в сопровождении двух женщин постарше; подняв на него взор, Беатриче,

благодаря “неизреченной своей милости”, поклонилась ему так скромно-прелестно, что поэт ощутил “высшую степень блаженства”. Опьяненный восторгом, он уединился в своей комнате; там, погруженного в мечты о возлюбленной, его и сморил сон. Проснувшись, Данте изложил его в стихах. Это – аллегория в форме видения: Любовь держит в руках сердце поэта и некую “уснувшую и укутанную вуалью даму”. Спутник Любви, Амур, будит даму, вручает ей сердце Данте и в слезах удаляется.

Этот сонет восемнадцатилетнего Данте, в котором он обратился к собратьям-поэтам, спрашивая у них объяснения своему сну, привлек к нему внимание многих ценителей изящного слова, и в первую очередь – Гвидо Кавальканти, от души поздравившего юношу с успехом. Так началась их многолетняя дружба.

Уже в первых сонетах и канцонах, окружавших ярким сиянием и поэтическим ореолом образ Беатриче, Данте превзошел современников силой поэтического дарования, образностью языка, а также искренностью, серьезностью и глубиной чувства.

Для молодого Данте наступило время расцвета. Он стал самостоятельным человеком и начал вести светскую жизнь. Во Флоренции тогда еще царило безмятежное спокойствие – гибеллины были окончательно побеждены, а распри между гвельфами еще не начались. Наставником молодого поэта стал старший собрат по перу и вместе с тем первый кавалер города Гвидо Кавальканти, поэтому в развлечениях недостатка не было: охота, музицирование, танцы, шумные празднества и, разумеется, дамское общество.

Сердце Данте принадлежало Беатриче, однако светские приличия требовали, чтобы поклонение даме облекалось в куртуазную форму, благосклонно принимаемую в обществе. В частности, воспевание объекта обожания в стихах или публичные страдальческие вздохи в ее адрес не должны были выходить за рамки галантного и безобидного ухаживания и уж ни в коем случае не предполагали искреннюю страсть – отклонение от этого правила могло вызвать у всех, по меньшей мере, чувство неловкости.

Случай помог поэту направить окружающих по ложному следу: однажды в церкви он, как всегда, украдкой поглядывал на Беатриче, однако дама, стоявшая на пути его пламенных взоров, приняла их на свой счет; некоторые из прихожан подумали то же самое. Данте такая идея, в целом, понравилась: чувство к Беатриче было слишком возвышенно и затрагивало самые интимные

струны его поэтической души; сделав официальным предметом обожания “даму-ширму”, он находил безопасное приложение своему горячему темпераменту и одновременно надежно защищал от досужего любопытства свои истинные чувства.

“Дама-ширма” с удовольствием принимала ухаживания, как и посвящаемые ей стихи. Эта приятная и необременительная связь длилась несколько лет; затем дама уехала “в далекие края”. Данте, почувствовав образовавшуюся пустоту, вначале попытался, как и прежде, заполнить ее одной Беатриче. Когда у нее умерла подруга, он написал для возлюбленной два утешительных сонета.

Тем не менее вскоре была подыскана другая “ширма”. Судя по всему, на этот раз поэт не на шутку увлекся “отвлекающим маневром”. Начались пересуды; по-видимому, эти слухи и недомолвки, вопреки всем канонам куртуазной игры в любовь, вызвали ревность Беатриче, которая при очередной встрече с Данте не ответила на его поклон.

Случившееся потрясло поэта настолько, что он порвал со своей “ширмой” и всем сердцем устремился к оскорбленной им Беатриче; в результате перенесенного потрясения его поэзия разом достигла новой, невиданной доселе силы страсти, чувства и искренности. Именно благодаря Беатриче, как признавался Данте, он перестал быть обыкновенным человеком. “У меня не было другого учителя в поэзии, кроме себя и самой могучей наставницы — Любви”.

В январе 1287 года Беатриче вышла замуж за Симона деи Барди. Это замужество — одно из самых загадочных обстоятельств в истории взаимоотношений поэта и его возлюбленной с точки зрения современного человека. Данте, насколько известно, даже не добивался руки и сердца Беатриче, ограничиваясь исключительно воспеванием возлюбленной и поклонением ей.

Под оболочкой светского молодого человека и ученого у Данте билось чистое юное сердце, склонное к обожанию и отчаянию; он был одарен пламенным воображением, возносившим его высоко над землей, в царство Мечты. Его чувство к Беатриче отличалась всеми признаками первой юношеской любви: это духовное, безгрешное поклонение женщине, а не страстное влечение к ней.

Беатриче была в глазах Данте скорее ангелом, чем женщиной из плоти и крови; словно на крыльях, неслась она над этой грешной землей, едва соприкасаясь с ней, чтобы снова возвратиться в

лучший, небесный мир, поэтому любовь к ней — “дорога к добру, к Богу”. Чувство Данте к Беатриче воплощало в себе идеал платонической, духовной любви в самом высшем ее проявлении и было совершенно несовместимо с женитьбой на ней. Данте не стремился к обладанию возлюбленной; ее присутствие, поклон — вот все, чего он желал, что наполняло его неизъяснимым блаженством.

Не стоит забывать и о том, что средневековая мораль традиционно противопоставляла духовное и телесное начала и относила плотскую любовь к низменным, животным проявлениям человеческой природы. А поэтому брак рассматривался лишь как общественно приемлемая форма уступки демону желания; в противоположность ему жизнь безбрачная, полная возвышенных устремлений, ценилась несравненно выше и считалась верным путем к спасению души и вечному блаженству.

Вскоре на Данте обрушились новые потрясения: в 1289 умер отец Беатриче, старый Фолько Портинари. Возлюбленная поэта глубоко переживала эту потерю, и Данте скорбел вместе с ней. Когда горечь утраты притушилась и новая весна 1290 года принесла с собой не только чудо возрождения природы, но и, по-видимому, благосклонное внимание к поэту со стороны его обожаемой возлюбленной, случилось самое страшное — Беатриче умерла.

Смерть возлюбленной повергла поэта в бездну отчаяния; друзья не на шутку опасались за его рассудок и даже жизнь. Лучше всего о своей любви рассказал сам Данте в сборнике “Новая жизнь”, где стихи, написанные в разное время, начиная с 1283 года, перемежаются с прозаическими комментариями и объяснениями. Этот сборник поэт посвятил Гвидо Кавальканти; он был закончен в 1293 году.

Название сборника, вероятно, объясняется тем, что именно любовь к Беатриче открыла для поэта настоящую “новую жизнь”. Его возлюбленная — воплощение идеала: “Облеченная в скромность, сияя красотой, шествует она среди похвал, будто ангел, сошедший на землю, чтобы явить миру зрелище своих совершенств. Ее присутствие дает блаженство, разливает отраду в сердцах. Кто ее не видел, не может понять всей сладости ее присутствия”. Украшенная благодатью любви и веры, Беатриче пробуждает и в других те же добродетели. Мысль о ней дает поэту силу побеждать в себе любые нехорошие чувства; ее присутствие и поклон мирят его со вселенной и даже с врагами.

Ад

Песнь первая

Переступив границу зрелых лет¹,
Я в темный лес² забрел и заблудился.
И понял, что назад дороги нет...

4 Где взять слова, которыми б решился
Я этот лес угрюмый описать,
Где ум померк и только ужас длился:

7 Так даже смерть не может испугать...
В глухом краю, зловещей тьмой одетом,
Чего угодно мог я ожидать,

10 Но только не спасения; нигде там
Я не нашел, объятый смутным сном,
Пути, что мне знаком по всем приметам.

13 Не помню сам, как выбрел я. В пустом
Просторе ночи глухо сердце билось.
Оцепенев, я разглядел потом

16 Подножие горы³. Она клубилась
В лучах рассветных обещаьем дня,
И на востоке небо золотилось.

- 19 Полночный страх отпрянул от меня.
Слепой души коснулось утешенье.
Как тьма бежит от яркого огня,
- 22 Как выброшенный на берег в крушение,
В борьбе с волной измученный, пловец
Глядит назад, где море в исступленье
- 25 Ему пророчит гибельный конец, —
Так в этот миг и я глядел пугливо,
Затравленный, истерзанный беглец,
- 28 Что, выбравшись на сушу в час прилива,
Припоминает свой опасный путь,
Не веря, что его сознание живо.
- 31 Лучам рассветным подставляя грудь,
Я на траву упал в изнеможение,
Чтоб сил набраться и передохнуть.
- 34 Как долго я лежал в блаженной лени,
Не помню... Но, придя в себя вполне,
На холм, преодолев оцепененье,
- 37 Вскарabкался с трудом. И тут ко мне
Метнулся барс⁴, мелькая пестрой шкурой
И пятнами на выгнутой спине.
- 40 Я был врасплох застигнут и понуро
Застыл, поняв, что не спускает глаз
С меня сей хищник, приближаясь хмуро.
- 43 И преграждает, поперек ложась,
Дорогу, вынуждая к отступленью.
Край неба осветился в этот час,

- 46 Природу призывая к пробуждению.
И солнце засверкало в голубом
Пространстве, словно в первый день творенья,
- 49 Когда еще рассыпаны кругом
Созвездия с неровным кротким светом...⁵
И я приободрился и бегом,
- 52 Помчался вверх по тропкам, обогретым
Лучами, позабыв про барсов гнев,
Но ужас новый ждал меня при этом:
- 55 Передо мной внезапно вырос лев.
Назад закинув голову, он гордо
Шел на меня. Я замер, присмирив.
- 58 Смотрел в глаза он яростно и твердо.
Я, словно лист, затрепетал тогда.
А рядом с ним возникла волчья морда.
- 61 Была страшна волчица и худа:
И в яростных зрачках ее, казалось,
Бесстыдная и алчная вражда
- 64 Своим смертельным пламенем касалась
Людей, сжигая их... В меня она
Глазами ненасытными впивалась
- 67 В тот миг. Была отчаянья полна
Моя душа. И схлынула отвага,
Которая вела меня одна
- 70 К мерцающей вершине. Словно скряга,
Что плачет, потерявши капитал,
В котором воплотилось жизни благо,

- 73 Перед волчицей я затрепетал.
Путь пройденный теряя шаг за шагом,
Я в страхе вниз растерянно сбежал
- 76 К зияющим обрываю и оврагам,
Где солнца разглядеть уже нельзя,
Где правит миром ночь под черным флагом.
- 79 Всё вниз да вниз по камешкам скользя,
Я человека встретил под горою —
Молчальника, которого нельзя
- 82 Расшевелить словесною игрою⁶,
Поскольку слишком долго он молчал.
Его заметив, дрогнул я, не скрою,
- 85 И, потеряв рассудок, прокричал:
“Кто б ни был ты — живой иль привиденье,
Спаси меня!” И призрак отвечал:
- 88 “Смири свое, о путник, нетерпенье;
Я жил когда-то, а теперь — мертвец.
Я, друг мой, мантуанец⁷ по рождению;
- 91 Был из ломбардцев славных мой отец.
Жизнь начал я при Юлии⁸, а в Риме
Над ней вознесся Августа⁹ венец,
- 94 Когда богами римляне своими
Считали грозных идолов. Тогда
Стихами я свое прославил имя,
- 97 Воспев Энея¹⁰ подвиг и года
Кровавого паденья Илиона...
Но сам ты кто? И для чего сюда

- 100 Спешись, в обитель скорби, плача, стона?
Зачем с пути к вершине вечных благ
Под золотым сияньем небосклона
- 103 Ты вниз свернул, коль сам себе не враг?
Ступай наверх и не жалея усилий!”
И, побледнев, я громко ахнул: “Как?”
- 106 Я верно понял, ты и впрямь — Вергилий,
Поэтов всех величие и свет?
Пусть о моем восторге и о силе
- 109 Любви к тебе, божественный поэт,
Свидетельствуют слабые творенья¹¹
Мои, а также то, что много лет
- 112 Ты для меня — источник озаренья.
Смотри: я перед зверем трепещу,
Все жилы напряглись. Даруй спасенье,
- 115 Певец, твоей я помощи ищущий”.
“А мог бы поискать пути иного¹².
Но я твои мученья прекращу”.
- 118 И прорекли уста поэта слово:
“Ты должен знать, что этот зверь давно
Дорогу преграждает всем сурово
- 121 И губит, и терзает всех равно.
Чудовище так алчно и жестоко,
Что сытости не ведает оно
- 124 И пожирает плоть в мгновенье ока.
К нему на казнь бессчетное число
Живых существ приходит издалека, —

- 127 Преодолеть не смогут это зло,
Покуда Пес¹³ отважный не сразится
С чудовищем, чтоб дальше не могло
- 130 Вредить. Погибнет алчная волчица,
А ловчий Пес прославится, и в нем
Блистательная мудрость воплотится,
- 133 И родиной его мы назовем
Страну от Фельтро и до Фельтро¹⁴. Силы
Своей отчизне он отдаст; мы ждем,
- 136 Что вместе с ним восстанет из могилы
Италия, где прежде пролилась
Кровь девственной воинственной Камиллы,
- 139 Где Турн и Нис¹⁵ нашли свой смертный час.
Преследовать от града и до града
Волчицу злую будет он не раз,
- 142 Пока ее не свергнет в кратер Ада,
Откуда тварь была извлечена
Неутолимой завистью... Мне надо
- 145 Спешить: здесь гибель царствует одна;
Иди за мной, не ожидая худа.
Я выведу — мне эта власть дана —
- 148 Тебя сквозь царство вечности¹⁶ отсюда,
Сквозь царство, где услышишь ты о мгле
Стенания и вопли, где, как чуда,
- 151 Все призраки умерших на земле
Повторной смерти¹⁷ ждут и не дождутся
И от мольбы бросаются к хуле.

- 154 Потом перед тобою пронесутся
Ликующие грешники в огне¹⁸,
Живущие мечтой, что распахнутся
- 157 Однажды двери в райской стороне
Что их грехи очистятся страданьем.
И если ты сейчас ответишь мне,
- 160 Что ищещ Рай, поверь, таким желаньем
Уже давно томится тень моя.
Но есть душа другая¹⁹: по деяньям
- 163 Она меня достойнее, и я
Тебя ей передам у райской двери
И удалюсь, печаль свою тая.
- 166 Я был рожден в иной и темной вере,
К прозрению не приведён никем,
И места нет мне в чистой райской сфере,
- 169 И путь закрыт в сияющий Эдем²⁰.
Кому подвластны солнце, звезды эти,
Кто царствует в веках над миром всем,
- 172 Тому награда — Рай... на этом свете
Блаженны все, им призванные!" Стал
Я вновь будить сочувствие в поэте:
- 175 "Спаси меня! — я страстно умолял, —
От бедствий огради меня ужасных,
Влеку в обитель смерти, чтоб познал
- 178 Я скорбь теней томящихся, несчастных.
И приведи к священным тем вратам²¹,
Где стережет обитель душ прекрасных

- 181 Пресветлый Петр. Я быть желаю там”.
Мой проводник кивнул, что он согласен.
Тогда за ним побрел я по пятам
- 184 Туда, где даже воздух был опасен.

Песнь вторая

День угасал¹. На землю сумрак лег,
Людей труда к покою призывая.
И только я спокойным быть не мог,

- 4 Путь непростой и долгий продлевая.
Все, что тогда влекло меня вперед, —
Страдания Ада и сиянье Рая —
- 7 У памяти и смерть не отберет...
О музы, о святое вдохновенье!
Теперь вы — мой единственный оплот!
- 10 Запомни, память, каждое движенье,
Которое заметит беглый взгляд!
“Скажи, поэт! — воскликнул я в волненье, —
- 13 Таит дорога множество преград...
По силам ли мне подвиг предстоящий?
Ты описал нам, как спускался в Ад
- 16 Герой Эней², тогда еще носящий
Живую плоть, и вышел невредим,
Поскольку Вседержитель, зло разящий,
- 19 Всегда стоял защитником над ним;
Как стал герой великим предком Рима³;
И нам известно, что на этот Рим

- 22 Сошло благословение незримо...
Да будет он источником добра,
Великий град, где власть неутомима
- 25 Наместников святителя Петра!..⁴
Спустился в Ад Эней, тобой воспетый,
И не обрел там смертного одра,
- 28 Но, знанием пророческим согретый⁵,
Величье Папы обеспечил он.
Позднее из страны печальной этой
- 31 Сам Павел был на небо вознесен⁶,
Где стал опорой нашего спасенья.
Но я — нелегким подвигом смущен —
- 34 В ответе за опасные стремленья.
Ведь я не Павел, да и не Эней —
И этот путь избрал без позволенья.
- 37 Вот почему явиться в мир теней
Боюсь. Рассудок не утратил я ли?
Но ты меня мудрее и сильней,
- 40 И подчинюсь тебе в моей печали”.
Как человек, лишенный воли вдруг,
В котором мысли новые сменяли
- 43 Ряд прошлых дум, и помыслов, и мук,
Я стал в пути тревожно сомневаться
И озирался с трепетом вокруг,
- 46 Забыв, что в малодушии таятся
Причины бед. Мой проводник сказал:
“Коль ты не трус, чего тебе бояться?..

- 49 Подобный страх не одного связал,
 Как помнится. Так тени зверь страшится⁷.
 Но я рассею страх твой. Я блуждал
- 52 Меж призраков и знаю, как свершится
 Над участью твоею приговор.
 Тень женщины прекрасной заступиться
- 55 Посмела за тебя. И с этих пор
 Она передо мною, как живая:
 Высокий лоб, незамутненный взор.
- 58 Как звезды, в душу глянули, сверкая,
 Ее глаза, а голос зазвучал,
 Как пенье херувимов в царстве Рая:
- 61 “О ты, поэт, чей гений просиял
 И будет жить до разрушенья света,
 Иди! На крутизне пустынных скал
- 64 Мой друг поддержки просит и совета,
 Препятствиями тяжкими смущен.
 Не дай, чтоб смерть взяла его. Ответа
- 67 Я жду. Клянись, что будет он спасен!
 Иди к нему: вдвоем пробиться легче
 Туда, куда один стремится он.
- 70 Мне имя — Беатриче⁸. Издалече
 Явилась я. Любовь меня вела,
 И та любовь с тобой искала встречи
- 73 И помощи твоей с мольбой ждала.
 Я скоро перед Господом предстану,
 И там, где гибнет всякая хула,

- 76 Тебя я прославлять не перестану...”
И Беатриче смолкла. Я сказал:
“Клянусь, что ни к сомнению, ни к обману
- 79 Я не склонюсь, о чистый идеал
И образ добродетели чудесной!
Все радости земли, что Бог нам дал,
- 82 Доводишь ты до радости небесной!
Как сладостно повиноваться мне
Твоим приказам, ангел бестелесный!
- 85 Когда бы их исполнил я вполне,
Мне б все равно, наверное, казалось,
Что действовал я вяло, как во сне,
- 88 Что дело слишком медленно свершалось.
Я счастлив, что узрел тебя в пути,
Но объясни мне: как не побоялась
- 91 Ты, дева, в преисподнюю сойти
Из той святой обители небесной,
Которую непросто обрести?..”
- 94 “Без страха я скольжу над этой бездной, —
Сказала Беатриче, — но, поэт,
Дерзну тебе я дать совет полезный:
- 97 Поверь — когда в нас подлых мыслей нет,
Нам ничего не следует бояться.
Зло ближнему — вот где источник бед,
- 100 Оно и сбросит в пропасть, может статься.
Покуда Небо силы мне дает,
Дурного я могу не опасаться,